

ПИСЬМА ХИРУРГУ

Передо мной. несколько писем. Маленькие, пожелтевшие треугольники со штампом (военно-полевой почты вместо обратного адреса. Напротив сидит человек, которому они писались, бывший хирург одного из ереванских госпиталей, Варсеник Георгиевна Саркисян. Она гладит эти треугольники, как живые: за каждым из них — боец, которому эта женщина вернула здоровье, жизнь.

— Это от Измаила, — протягивает треугольник старый доктор, — веселый был парень, мы ему ногу спасли.

«Здравствуйте, многоуважаемая Варвара Георгиевна! (так ее называли раненые). Шлю Вам от глубины сердца пламенный привет и желаю всего хорошего в вашей работе на благо Родины. Варвара Георгиевна, я приехал домой 23 марта, по дороге застудил большую ногу, она распухла и сильно болит. Но Вы не беспокойтесь, дома я ее подлечу. Как только стану на ноги, снова попрошусь в часть.

Варвара Георгиевна, а как ваше здоровье? Вы лечили меня, как своего ребенка. Я навсегда останусь в долгу перед Вами.

Как ребята по палате? Как живет Некрасов? Очень извиняюсь, что побеспокоил Вас, еще раз желаю вам всего хорошего в вашей жизни. Остаюсь бывший больной четвертой палаты Джабаров Измаил».

Она их помнит, этих ребят — многих поименно. Война для них могла окончиться в первой атаке, в первом бою, если бы не самоотверженность медсестер, вытаскивавших их с перепанного снарядами поля, если бы не мужество хирургов фронтовых госпиталей, спасавших им жизнь. И хотя госпиталь Варсеник Георгиевны не сотрясался от взрывов бомб, она чувствовала себя как на фронте — до 30 операций в сутки проводила эта хрупкая женщина. Отдыхать приходилось урывками в те недолгие минуты, когда увозили одного бойца и доставляли другого.

...«Милая Варвара Георгиевна! Никогда не забуду Вашей доброты, материнской заботы о нас — раненых бойцах. Помните, как я

просился к Вам, когда перевели в другой госпиталь? Не только потому, что у Вас раны заживали быстрее — Вы могли понять, как тяжело лежать в гипсе, когда твой однополчанин дерется с фашистами.

Меня скоро выпишут, уже подал рапорт с просьбой направить в действующую армию. Спасибо Вам за то, что вернули способность снова бить врага...

Некрасов А. А.»

Она не удивлялась этим письмам, не удивлялась тому, что первым вопросом очнувшегося после операции раненого был: «Доктор, смогу ли я вернуться на фронт?»

— Помню молоденького танкиста с обожженными руками и лицом, — говорит Варсеник Георгиевна. — Два месяца выхаживали его в госпитале, кормили с ложечки. Едва поправился, попросил листок бумаги. Трудно было ему писать левой рукой, но первые слова, корявые и неуклюжие, были рапортом с просьбой отправить на фронт...

Как можно было покорить таких людей? Эти, иссеченные пулями и осколками солдаты вселяли уверенность в каждого из нас, мы черпали у них силы, — говорит старый хирург.

День за днем, все долгие годы войны не выпускала скальпель из рук хирург военного госпиталя Варсеник Георгиевна Саркисян. Она не вела счет операциям, — до того ли было? Переходила из одного госпиталя в другой, удивляясь быстро наступившей зиме или раннему лету. Сколько помнит себя в те годы — все в белом халате, другой одежды вроде и не было. И победу встретила в госпитале, как раз в свое дежурство.

В ночь с 8 по 9 мая обошла, как обычно, палату, вернулась в свой кабинет в надежде немного передохнуть, как вновь вызвали к больному: срочная операция. Потом уже было не до сна. Вдруг выстрелы за окном, крики: «Победа!». Выбежала на улицу, люди спешили к площади Ленина, где собралось много народу...

С. СТЕПАНИН.